Мать-коза

Жили-были дед да баба, и была у них по дочке. У дедовой дочки и коровка есть от матери. Вот мачеха и говорит дедовой дочке: «Гони корову пасти!» И дала ей на день кужель прясти, что и за три дня не спрядешь. Она и погнала, и плачет по дороге. А коровка спрашивает: «Что ты, девонька, плачешь?» — «Как же мне не плакать? Дали столько кужели прясти». — «Не журись, — говорит, — сажай мне кужель в правое ухо!» Она всадила, а из левого уха и вынимает, уже напрядённый… И так каждый раз. А вот, как станет смеркаться — и поженёт коровку домой.

Вот мачеха видит, что она такую хорошую пряжу носит, и говорит своей дочке: «Гони, доню, ты пасти коровку и кужель бери».

Та поженёт и на поле и говорит: «Сороки, вороны! летите ко мне кужель прясти!» Тут сороки и вороны налетят и расхватают кужель, и разнесут по гнёздам. Вечером она и поженёт ту коровку домой. Домой пригонит, так мать и спрашивает её: «А что, доню? спряла кужель?» — «Нет, мама, не спряла: сороки да вороны расхватали».

Вот мачеха и думает про дедову дочку: «Ну, кто ей помогает так хорошо прясти?» И подглядела… Тогда на деда: «Зарежь да и зарежь, дед, корову!»

Вот, дедова дочка погнала коровку пасти. Гонит и плачет. Так коровка и спрашивает: «Что это ты плачешь, девонька?» — «Как же мне не плакать, что тебя хотят зарезать!» Вот и говорит та коровка: «Слушай же, девочка: как будут меня резать, так во мне найдётся два яблочка. Ты их посади, так вырастут яблоньки».

Вот ту коровку и зарезали. А там два яблочка: одно золотенькое, а другое серебряное, дедова дочка и взяла. А бабина заметила и гонится за ней, хочет отнять. Так та в крапиву их и бросила. Когда же и выросла яблонька: серебряное яблочко, золотое яблочко, а под ней колодезек.

Вот, идёт пан, увидел, что такая хорошая яблонька: «Вот если бы мне хоть одно яблочко с неё!» Послал кучера в дом. Вышли: баба, бабина дочка и дедова дочка. Бросилась баба сорвать, а яблонька так и взмыла вверх, а колодезек в землю — не достала. А пан говорит: «Кто мне яблочко сорвёт и водицы из колодезка наберёт, тому я половину панства отдам».

Вот, бабина дочка подскочила — хотела сорвать яблочко, а яблонька снова вверх; хотела водички из колодезка набрать, а колодезек — вниз. Дедова же пришла, так яблонька сама ей на плечи ветви опустила. Она яблочко сорвала, водицы набрала, и дала пану. Вот он ей и говорит: «Я тебя возьму за себя замуж». И взял её с собой.

Вот они себе и дитя нажили. Послали к отцу узварь и просят того отца в гости к детям. А мачеху и не просят, так она и говорит: «Как же это можно, чтобы я не поехала к своим детям?» И поехала. А она была ведьма. Вот, и сделала дедовой дочке так, чтобы она козой побежала. Вот её дитя всё плачет без матери. А у того пана был парубок, и говорит: «Пан мой милый, пан мой любый! отдайте мне дитя, понесу я его гулять».

А пан говорит: «Неси!»

Он и понёс дитя к болоту и зовёт.

«Ой рысь-коза! твой сын плачет.

Твой сын плачет, есть хочет.»

А она и отвечает:

«Бегу, лечу, мой сыночек!

Песок глаза забивает,

Очерет ноги подкашивает,

Быстрая вода не пускает».

Вот, прибежала и с себя шкуру сбросила, а сама за дитя: села, кормит, и горько, горько плачет! Покормила, отдала парубку дитятко и снова побежала.

На другой день снова дитя плачет. Он снова просится: «Пан мой милый, пан мой любый! отдайте мне дитя, понесу я его гулять».

Понёс и зовёт:

«Ой рысь-коза! твой сын плачет.

Твой сын плачет, есть хочет.»

«Бегу, лечу, мой сыночек!

Песок глаза забивает,

Очерет ноги подкашивает,

Быстрая вода не пускает».

Вот, прибежала и с себя шкуру сбросила и накормила дитятко. Парубок отнёс дитятко, она до сумерек снова и спит. Тогда пан его и спрашивает: «Что это значит», говорит, «что ты вот понесёшь дитя гулять, и не плачет?»

Так он давай ему признаваться: «Что ж?» говорит, «твоя, пан, жена побежала козой».

Вот они и пошли вдвоём. Парубок и зовёт её:

«Ой рысь-коза! твой сын плачет.

Твой сын плачет, есть хочет.»

Она и бежит:

«Бегу, лечу, мой сыночек!

Песок глаза забивает,

Очерет ноги подкашивает,

Быстрая вода не пускает».

Прибежала, сбросила с себя шкуру, взяла дитятко и так плачет! — «Теперь», говорит, «моя дитинонька, в последний раз увидимся, а то далеко уже поженут меня, не услышу, как будут звать».

А пан взял и бросил её шкуру в огонь. Как затрещит шерсть! а она и услышала и в кусты: шкуры нет! Тогда пан кереей её накрыл, и пошли домой, и живут с ней. А баба убежала.